

Ян СТРЕЙЧ:

Призраки и туман

Известия - 2001 - 1 июня с.8

В Москве прошел V форум кино стран СНГ и Балтии — встреча братьев по бывшей киноимперии. Огромная индустрия распалась на мелкие предприятия, но жизнь продолжается, маховик набирает обороты. Одним из событий форума стала премьера фильма классика Яна Стрейча «Мистерия старой управы». Ав-

тор самого стильного советского фильма «Театр» вышел к нам из неустребимо совковой гостиницы «Россия», чтобы по-европейски, в кафе под зонтиками, поговорить с читателями «Известий». Он был в черной шляпе, весел и лукав, как его новая картина, жанр которой он определяет как балаган.

Это мистерия — зрелище площадное и духовное. В нем есть темы вины, распятия, пофигизма, безденежья, большой страсти к большой власти, бывший гэбэшник и призраки, терзающие его совесть, Спаситель, которого забывают на кресте, ночь чудес Лиго, киносъемки, звезды латвийского кино и спонсор — пивной магнат, которого играет Ивар Калниньш. Картина вместила в себя иронию и обдуманно пересоленные гэги, мотивы апокалипсиса и символику, а также дух здорового латвийского фольклора с его простой песенной мудростью.

— Как возникло все это безумие?

— Из фактов. В Крилмудской волости жил старый чекист, на его душе был грех — когда-то в подвалах управы он мучил людей. Теперь он мучился сам: к нему приходили души его жертв. Он замуровал двери, но призраки проходили сквозь стены. Эту историю мне рассказали без злобы: люди легко забывают плохое, а при пожаре и звери объединяются. Эту историю я вспомнил, когда в Европе решили делать картину о христианстве. Проектом руководил Кшиштоф Занусси. Я послал заявку, идея понравилась, но проект не состоялся. И я стал думать о большом фильме. И опять мне рассказали случай, как на киносъемках шофера вместо статиста перебинтовали и положили в «реанимацию», всё сняли, сели в автобус и стали гудеть — пора ехать, а шофера нет. Оказалось, его там забыли. Этот случай стал второй главой фильма, только вместо шофера — актер, играющий Спасителя. Приколотили к кресту, всё отсняли и забыли.

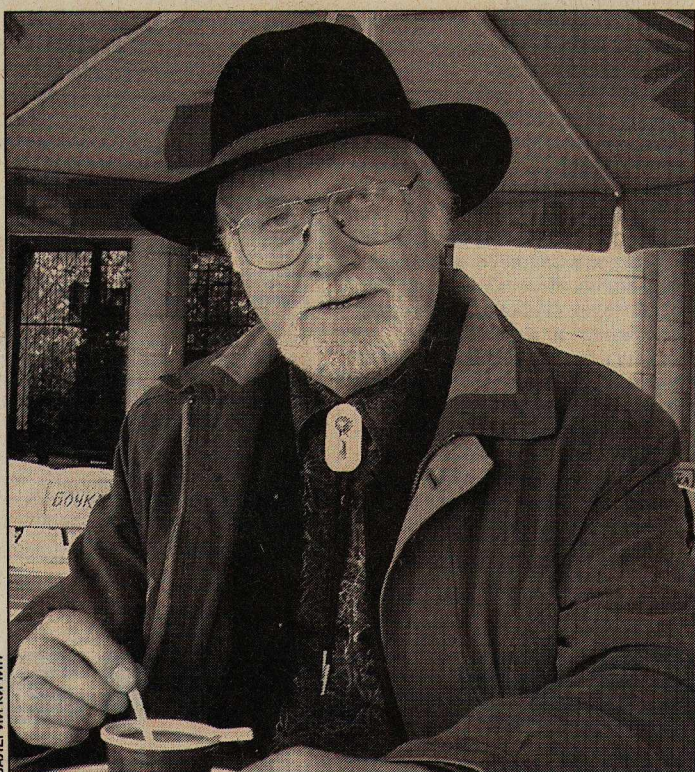
— Забывший Спаситель — это уже символ.

— Мы должны все время кого-то распинать — такая ежедневная жертва. Люди любят тех, кого топчут. И пальцем не пошевелият, чтобы его спасти. Сколько у нас били — и что, я заступался, шел грудью? А у вас сколько топтали! Все любил Высоцкого — кто его защитил? Пели его песни и спокойно следили за тем, как его уничтожали. «До чего в России покойников любят!» — говорил Савва Морозов в старом фильме. Вот и у меня в «Мистерии»: никто не вмешивается, а за кадром песенка: «Все прекрасно в моей маленькой милой стране»... А тему третьей новеллы подсказала дочь-актриса: раз призраки приходили к чекисту — должны приходиться и к современному злодею. Зло — штука вечная. Кончился морок социализма — начался дикий капитализм.

— Есть общее: болезненная тяга властвовать над ближним. В фильме тема такой эстафеты звучит очень выразительно.

— Эти ваши «новые русские» с такими-то деньгами могли бы свободнее жить за границей. Но там они были бы только миллионерами. А тут у них власть над людьми, почет, газеты лебезят — это как наркотик. Я очень рад, что вы эту линию в фильме поняли — у нас ее не поняли, говорят, «новые латыши» вышли упрощенными. Я отвечаю: милые, да они и на самом деле жутко простые. Они знают два математических действия: отнять и умножить. Народ их именно так понимает — а интеллигенция им отчего-то поклоняется.

— Вы объяснили отчего. В сцене, когда герой Калниньша устраивает банкет для звезд, они едят с его стола, а он упивается тем, что звезды у него в кармане.

ВАЛЕРИЙ КИЧИН

— Он пивной магнат и спонсор, и когда одному из артистов подсовывают вместо пива мочу, тот ее пьет, чтоб не разгневать благодетеля. Это жуть! Говорят: хочешь денег — дерьмо будешь есть.

— И финал: солнце не может пробиться сквозь туман.

— На этих кадрах идет песня: «Не хвались, густой туман, что ты солнце победил». У вас говорят: «новый русский», у нас — толстый, «густой». Поднимется солнце, и от тумана ничего не останется.

— А как вы представляете себе этот процесс в жизни?

— Я верю в народные традиции. Они здоровые. Они и станут началом излечения. У «густых» вряд ли проснется совесть, но я верю в детей. Получат образование, будут грамотнее, интеллигентнее, гуманнее. И в Латвии и в России все пойдет так, как уже давно идет во всем мире.

— В вашей картине всё нелепо, бездомно, всё в рабстве у денег.

— Иначе быть не могло. Это как если человеку сделали операцию — он еще долго болеет, залечивает раны, приходит в себя и выздоравливает. В обществе этот процесс занимает, думаю, лет восемнадцать. Десять лет уже прошло, и я вижу признаки прогресса — их все больше.

— Почему восемнадцать?

— Был в Латвии председатель колхоза. Его назначили, но он сказал: дайте сначала поговорить с народом. Поговорил. Ничего не обещал, кроме труда. И стал первым избранным председателем. И за восемнадцать лет сделал нищий колхоз процветающим. В его системе многое шло от капитализма. Он вычислял, что целесообразнее: делать свои стройматериалы или возить издалека, тратя бензин. У нас же тогда никто так не считал — всё было общее. Он строил дома с центральным и печным отоплением. Зачем?! — спрашивали. А всякие времена могут наступить! — отвечал он. И вот времена пришли, и сейчас там жители топят дровами. И его вспоминают добром.

— В Риге мне рассказывали, что павильоны киностудии стали полигоном для роликосъемщиков. Что происходит в кино Латвии?

— Былое процветание — миф. Это было совместное производство, рассчитанное на единый про-

кат. Все-таки одна шестая земного шара плюс необъятные территории, которые охватывал «Совэкспортфильм». Кино могло себя окупить. А в отдельной маленькой Латвии — это как с охотничьими сосисками пробиться на парижские прилавки. Поэтому нам нужно вливаться в какую-то систему. В России пока системы нет — на кинорынке развал. В Латвии тоже. И Наполеон и Гитлер дошли до Москвы и были тут остановлены — американские фильмы заняли Россию без боя. Вот о чем надо говорить. А мы на наших форумах все толкуем о творческом почерке. И получается малосенький семинарчик, который озабочен, чтобы на малосенькие деньги делать малосенькие фильмы для малосенькой аудитории.

— Вы верите в конкурентоспособность наших кинематографий?

— Я сделал за эти годы три фильма: «Дитя человеческое», «Жернова судьбы» и «Мистерия...». Первые два очень хорошо принимает молодежь. Число зрителей «Жерновов судьбы» у нас сравнялось с аудиторией «Титаника». С «Мистерией» хуже: с ней борется критика. Я смотрю на происходящее с иронией, а люди склонны все драматизировать. И жизнь, кажется, меня поставила на место. Видите, к какому я сейчас пришел заключению! Я дал обществу пощечину, а этого оно не прощает. А что касается русского кино, то я смотрю на него с огромной надеждой. Кто больше выстрадал, чем ваш народ! У кого больше жизненного опыта! Уму непостижимо, какие сюжеты может дать миру та действительность, которую мы прожили. Надо просто слушать, чего хотят люди.

— А чего хотят люди?

— Простоты, чистоты, хороших отношений, любви. Есть теория долгой жизни — «Spring life». Ваша киноистория ей следовала. Ведь знали же люди, какая тяжелая кругом жизнь, и в этом смысле фильмы были правыми. Но людям они были нужны, потому что в них было добро. И тут они не врали: добро есть в каждом человеке. Вопрос в том, какие стороны его души мы пестуем. Добро надо искать и будить. Вот этого я и пожелаю российскому кино на прощание.

Валерий КИЧИН